

Archival evidence as a source of memory representation on the history of political repressions

Yerlan B. Sydykov, Albina S. Zhanbosinova, Yerlan E. Sailaubay, Khalil B. Maslov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

E-mail address: **Corresponding author** sovetuk@rambler.ru^{1*},
rector@enu.kz², alashorda100@mail.ru³ halel_86@mail.ru⁴,
<https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>
DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-142-1-44-60>

Abstract. *Historical memory as a way of storing and broadcasting past events, being an integral part of human culture, determines many interdisciplinary research approaches. The authors focused on the history of political repressions that left the deepest imprint in the public consciousness of the Kazakh community. Despite the fact that the historiography of the proposed topic has fundamental works, serious scientific publications, new discoveries and interesting results, not all sources of the history of political repressions have become the object of scientific research.*

The presented author's research for the first time introduces into scientific circulation fragments of the archival evidence of S. Baibulin's case, a native of Kazakhstan, who was arrested in the city of Kyiv in 1937, convicted by the Special Council and repressed by the NKVD of the Ukrainian SSR. The case of S. Baibulin was deposited in the archives of the Security Service of Ukraine (SBU).

The authors presented a source study analysis of the archival evidence, demonstrated the possibilities and methods of extracting information in order to form the framework / frame of the personal memory of the victim of political repressions.

The uniqueness of the scientific content of the article lies in the opportunity to get acquainted with the structure of the archival evidence, as a source of memory representation on the history of political repressions in the focus of the presented ego-documents. Such a representation of memory can be considered as the practice of public commemoration of the victim, whose personal data remained only in a single source - an archival evidence.

The authors' goal was restoring historical justice for the victim of political terror, despite the presence of rehabilitation in accordance with the Law of the Ukrainian SSR «On the rehabilitation of victims of political repression in Ukraine» dated April 17, 1991, S. Baibulin, as a repressed person, does not appear in the camp lists of Belomor-Baltic Forced Labor Camp where he served time, and his data are not included in the lists of those rehabilitated, neither in Ukraine, nor in Kazakhstan.

Keywords: *Ukraine; Kazakhstan; repression; historical memory; commemoration; representation; archival evidence.*

Received 27.12. 2022. Revised 05.01.2023. Accepted 20.02.2023. Available online 30.03.2023.

For citation:

Sydykov Y.B., Zhanbosinova A.S., Yerlan E.S., Kh.B. Maslov Archival evidence as a source of memory representation on the history of political repressions // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 142. – №1. – P. 44-60. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-142-1-44-60

Для цитирования:

Сыдыков Е.Б., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е., Маслов Х.Б. Архивно-следственное дело, как источник репрезентации памяти по истории политических репрессий // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 142. – №. 1. – С. 44-60. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-142-1-44-60

Introduction

The history of political repressions has a good research and source study platform. The problematic field is represented by many thematic plots at the intersection of interdisciplinary approaches, such as issues of socio-demographic assessment of the victims of political repressions of the Soviet state, their social and legal rehabilitation, micro-plots of repressions in a regional focus, analysis of source studies, legislation, etc.

Over the last decade of the XXI century, the historiography of the history of political repression has been replenished with new interesting developments dedicated to the historical memory of the victims of the totalitarian system, affecting not only the post-Soviet space, but also the former socialist camp – Eastern Europe.

The relevance of the proposed topic lies in its source-based nature, on the basis of the archival and investigative case introduced into scientific circulation, the authors seek to show ways to identify and compare the personal data of victims of political repression in order to fill a gap in family memory. Family, family history is several branches of generational communication has a conceptual archival basis consisting of documentary sources and material artifacts. Their total totality makes up the narrative of family memory, forms a system of declarative memory, which makes it possible to represent it in the future.

During the period of political repression, many of the discursive practices of family memory were destroyed, forgotten for many years without the right to be restored. The current situation demonstrates an active search and attempts to fill in the empty gaps in family historical memory by returning the names of their ancestors “in order”. The presented study is an attempt to return to the history of Kazakhstan, a citizen of the Kazakh SSR Baibulin Sergey (Smagul, Smagil) Savikovich (Sagitovich, Serikovich), who was repressed by the NKVD of the Ukrainian SSR, into the bosom of the history of Kazakhstan.

Citizens of the Kazakh SSR, who found themselves outside their homeland and were

repressed in the distant Ukrainian SSR, turned out to be outside the history of memory. The authors of this publication sought to restore the personal historical memory of the victim of political repressions by including Baibulin S. in the Kazakh database of the Memorial.

Materials and methods

The main source used by us in the publication is the archival-investigative file (hereinafter AIF). Documents and materials extracted from archival and investigative cases were part of the approved list of the nomenclature of the NKVD of the USSR. A. Kabatskov, in his publications and speeches, noted the methods of extracting socially significant information contained in archival and investigative files (Kabatskov, 2011, 2013).

The archival and investigative file can be divided into the following subgroups of documents:

The first subgroup is the personalization of the accused, i.e. filling in all points of the biography, the entire life cycle until the moment of arrest, including the family environment and the presence of a criminal record. Based on it, the investigators formed a single database / file of data.

The second subgroup - all materials, starting with the decision of arrest, search with other investigative actions: protocols of interrogations, confrontations.

The third subgroup - all the materials of the accusatory part, transfers to extrajudicial or judicial instances, documentation support before the verdict with the designation of the term and deportation to the camp or capital punishment.

The fourth subgroup is communicative - letters, complaints, appeals, documents related to subsequent rehabilitation and a decision on rehabilitation.

The fifth subgroup of materials, as an exception, is the «envelope attachment» - personal documents and photographs.

Most of the AIF are voluminous protocols of interrogations and confrontations, they are practically the same type and are drawn up according to a single all-Union stencil of

document flow. The facts presented in them naturally require a critical assessment of the reliability of the content (Chatfield, 2019). The informative depth and scale of the content of the AIF are impressive, as, for example, information reflecting the numerical and social composition of the participants in performances in a particular area; the reasons that caused the protest of the working masses; forms and methods of counteracting the policy of local authorities; details of certain military Chekist measures and actions of a repressive nature. This group of sources, subject to careful reading, despite a certain amount of subjectivity, details the microhistory of repressive politics. In terms of their representative capabilities, this group of sources occupies one of the first places.

Important for the study are the indictments, which have a certain structure:

- an introductory and informative part about the accused or accused with a detailed indication of the last name, first name, patronymic, with detailed data on the place, date of birth, social affiliation and family composition, education, place of work, residence.

- a description of the essence of the charge, a detailed formula of the charge describes, point by point, what the "counter-revolutionary element", "member of the gang", "member of the espionage and sabotage group", "member of the counter-revolutionary, anti-Soviet organization" in the singular or as part of a group, the content of the offenses committed by him, confirmed by testimonies and references to the sheets of the archive and investigation file, an indication of the articles of the criminal code, with the obligatory wording "pleaded guilty" or "did not admit guilt", the latter did not influence the decision of the extrajudicial instance.

- the operative part repeats the personal data, indicates the further direction of the case and the preventive measure of the accused. With regard to those under investigation, the template phrase was used: "To hand over to the court under article 58 of the Criminal Code of the RSFSR" the paragraph varied from the content of the indictment, i.e. starting with the first point, ending with the fourteenth. The

group case ended with a list of all members of the group/organization, which then turned into an extract from the protocol of an extrajudicial body with a personal indication of the verdict. In the cases of persons sentenced to various terms of imprisonment, there are certificates of form No. 54 Letter A, indicating the place of serving the sentence, the possibility of visiting relatives and confiscation of property.

In almost all archival and investigative cases of those accused of participating in armed demonstrations, a tabular form «Reference» with abbreviated information on the accused is attached. The research interest in this reference is:

- there is a mention of the primary authority that conducted the investigation;

- "coloring the case", where the investigator must choose from the proposed set: "counter-revolutionary organizational group", gang, the nature of such - insurgent, nationalist, etc., choose or determine independently the nature inherent in this case.

Postscript of the archival-investigative file - a document on rehabilitation, including the decision of the prosecutor's office with a brief annotation of the previous accusatory part.

The archival investigation file, which had its own registration number, is a concentrated set of materials and documents of a victim of political arbitrariness. However, the archival and investigative case itself, despite the excellent calligraphic handwriting, typewritten originals, partially of good quality, contains many inaccuracies, complex stylistic turns and spelling errors, not only distorting surnames, but the names of the area, etc. One can agree with the opinion «... deliberate distortion social origin, occupation, acquaintances and other characteristics relevant to the investigation, as well as corrections, erasures that are found both in arrest warrants, and in search protocols and interrogation protocols, in certificates with the characteristics of local authorities ...» (Teplyakov, 2018: 241).

The archival and investigative case itself retained an informative memory of a person, we cannot speak about the reliability of this source,

this is a complex and debatable issue discussed by many researchers (Bykova, 2009). The authors relied on the methodology and methods of historical research described in the classics of the scientific genre by I. Kovalchenko (Kovalchenko, 2003). The comprehension of the events of the past, the analysis of the materials of the archival and investigative case was carried out on the basis of the principles of historicism, comparison and comparison, as well as structural and system analysis, which together made it possible to solve research problems.

Discussion

The interdisciplinary context of the topic under study led to an appeal to works devoted to historical memory, as well as source study of the history of political repressions.

Theoretical approaches of foreign scientists in the assessment of historical memory, its interdisciplinary synthesis, the combination of history and politics of memory with the philosophical category of morality (LaRocco, 2018), the politics of memory and source studies, diaspora narratives (Ullberg, 2018), historical memory and cultural trauma of the descendants of victims of repressive politics (Belykh, Henderson, 2021) led to the expansion of the analytical tools of our study.

From the perspective of the state policy of Kazakhstan on the rehabilitation of victims of political repression and commemorative practices, the study of Russian historians I. Morozov, I. Sleptsova, devoted to the problem of family memory narratives, its presentation and translation in the focus of the museum space, is of interest (Morozov, Sleptsova, 2021: 113-129). Of particular importance to us is the issue of overcoming cultural trauma and restoring family memory. Constant public broadcasting of the history of political repressions, the formation of commemorative practices, and the representation of the official narrative are tools of the state policy of memory.

S. Bykova wrote about the uniqueness of forensic investigation cases as historical sources, her notes and a comparative analysis of the

publications of researchers who worked with similar sources are of interest (Bykova, 2009). The result of searches and seizures of the so-called. The physical evidence of those suspected of anti-Soviet activities were inventories in which one could see "materials and objects" that were of particular value, quite comparable with the category of cultural property, cultural heritage. These could be photographs, portraits, newspapers, rare editions of books, diaries, certificates, diplomas and other artifacts of visual memory.

A. Kabatskov drew attention to the scientific significance of archival and investigative work as a source of the social history of political repressions, showing in his publications "the technology of social construction of rebel detachments" (Kabatskov, 2013: 30), "the technology of conducting an investigation" (Kabatskov, 2011: 113).

Results

Fragments of the archival and investigative file of Sergei Savikovich Baibulin, who was born in 1911 in village No. 2 of the Abraly district of the Semipalatinsk region, are published by the authors for the first time.

The typical structure of the archival and investigative case is presented above, of interest are ego-documents, a statement of admission of one's own guilt, a complaint written by S. Baibulin, as well as materials from an additional investigation conducted in 1941.

It is unlikely that S. Baibulin, who was born in Kazakhstan, assumed that the fateful rut would bring him to Kyiv, where in the autumn of 1937 he would be arrested. Youth and growing up coincided with the time of the formation of the Soviet state, S. Baibulin became a participant in the socio-political events in the Kazakh village, which went down in history under the name «Little October». The content of his complaint allows us to see that S. Baibulin was an active conductor in the implementation of the policy of confiscation of the bayst in the Kazakh village.

Before being a member of the village council and the volost council, i.e. until 1927, S. Baibulin

worked for hire from a resident of village No. 2, Ospan Ulan, as well as from a resident of the same village, Rakhimberdy Sakinov, and then became a worker at the mill of the Zatonsky district of the city of Semipalatinsk. From a poor family, who worked for himself, his father worked as a shepherd for hire, who had nothing to do with the category of «former» became a «product» of Soviet personnel selection. Once in Semipalatinsk, then there was a regional center, on the recommendation of higher authorities, he was sent to build the Semipalatinsk cloth factory as a carrier of bricks, etc. It should be noted that in order to avoid getting «former» into the Soviet personnel system, regardless of position and status, a reference or recommendation was required without fail, even for rough work.

Having earned the trust of the Soviet government by working in low-level positions, S. Baibulin was sent on the order of the Semipalatinsk Department of Public Education to study at the Alma-Ata Workers' Faculty at the Kazakh Pedagogical University, having completed his studies in 1933. By and large, his assignment to the central school of the OGPU (NKVD) meant a fairly high level of verification that S. Baibulin passed and, accordingly, the confidence shown in him. An unexpected and inexplicable turn in the life of S. Baibulin, after three months of study at this school, was sent to the Alma-Ata Beet Sugar Trust.

The first five-year plan of the USSR is famous for its grandiose plans, including experimental planting of sugar beet in the southern part of the Kazakh SSR. Successful results and the resulting harvest led to plans for the construction of a sugar beet plant, the first plant appeared in Merke (Mikhailov, 2022). In the 1930s, under the leadership of A. Mikoyan, the food industry of the Soviet Union was actively developing, for which professional personnel, including national ones, were urgently needed. At that time, there were only two scientific institutes and only three faculties in the USSR, where they trained food engineers so necessary for the country (Pavlov, 2015: 36-40). One of them was located in Kiev – The Chemical and Technological Institute of Food Industry named after A.I. Mikoyan, it was

here that S. Baibulin was sent by the order of the People's Commissar of the Food Industry of the USSR on the basis of the order of T. A. Mikoyan on the training of national personnel. This institute trained personnel for sugar beet production. Unfortunately, the request to the National Institute of Food Technologies, the so-called former Kiev Institute of Chemical Technology, in order to clarify information about S. Baibulin's training and the availability of any documents was unsuccessful. Due to the expiration of the 75-year period of storage of documents, the latter were destroyed, so we can judge about the student years only from the data of the archival and investigative case.

Upon completion of training, S. Baibulin had to work as a technologist at a factory in Kazakhstan and Kyrgyzstan, the planned plans were destroyed by the events of 1937-1938, which left the deepest tragic mark in the history of the Soviet state, since the well-known order No. 00447 of July 30, 1937, began on August 5 repressive actions directed against kulaks, anti-Soviet elements and criminals. According to this order, 75950 people were supposed to be shot throughout the country, including 10 thousand GULAG prisoners and 193 thousand people were imprisoned in camps and prisons, the total contingent of the repressed covered 268950 people, ... the planned figures were landmarks ... («Through the corpses of the enemy for the benefit of the people», 2010: 52). Taking into account the painted algorithm of the NKVD of the Ukrainian SSR, as well as preparatory work on the collection of proscription lists», which were constantly corrected («Through the corpses of the enemy for the benefit of the people», 2010: 124-125).

The «Kulak operation» was supposed to be completed before December 15, 1937, approximately in November its results were already summed up, but it was extended until November 1938. S. Baibulin was arrested almost at the peak of the mass arrests of 1937, put on stream to fulfill the requested limits. Judging by the materials of the AIF, he had to go through the NKVD troika by order No. 00447. Perhaps S. Baibulin was lucky that his case did not get

to the Troika, and the indictment of January 14, 1938 was sent to a Special Meeting (February 5, 1938) and this helped him avoid execution, because he passed through the second category. A detailed study of the investigation materials on the charges of S. Baibulin showed that at the initial stage of his arrest, he was accused of anti-Soviet agitation, of involvement in a counter-revolutionary nationalist group created within the walls of an educational institution. Subsequent protocols of interrogation and accusations by the investigation recorded a new fact that had not previously been heard in the questionnaire or in any of the documents previously issued by the NKVD of Kiev for S. Baibulin – unexpectedly, he turned out to be the son of a religious cult minister, an «imam – mullah.» It is likely that the falsification is connected with the directive of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR I. Leplevsky of October 5, 1937 (S. Baibulin was arrested on October 7) on conducting an operation against churchmen and sectarians («Through the corpses of the enemy for the benefit of the people», 2010: 199). At the same time, it is very important to note that it is unlikely that S. Baibulin was accepted to the OGPU school, where he studied for some time, if he was the son of a mullah, and also sent to study in Kiev.

By the decision of a Special Meeting, S. Baibulin was sent to the Medvezhya Gora station of the Kirov railway Belomoro-Baltic Canal (BBC) / Belomoro-Baltic correctional labor Camp (BB CLC), got into the 12th Verkhne-Vytsky department for five years.

On May 5, 1939, i.e. two years later, S. Baibulin wrote a complaint to the People's Commissar of the NKVD of the USSR L. Beria with a request to review his case. On April 4, 1941, by a resolution of the Secretariat of the Special Meeting at the NKVD of the USSR, taking into account the petition of the 3rd Directorate of the NKGB of the USSR, S. Baibulin was refused a review of the case.

According to the conclusion of the Prosecutor General's Office of Ukraine dated July 31, 1997, S. Baibulin Sergo Savikovich, a student of the Kiev Chemical and Technological Institute of Food Industry named after A. Mikoyan, convicted

under Articles 54-10 and 54-11 of the Criminal Code of the Ukrainian SSR, was rehabilitated under the Law of the Ukrainian SSR «On rehabilitation of victims of political repression in Ukraine» dated April 17, 1991. It should be noted that Articles 54-10 and 54-11 of the Criminal Code of the Ukrainian SSR are equivalent and similar to Articles 58-10 and 58-11 – anti-Soviet agitation and counter-revolutionary activity.

Conclusion

Summing up the results of a small study and demonstration of work with the materials of the archival and investigative case, I would like to note that the information received is only a way of drawing up a social portrait and a micro-plot about a victim of political repression, presuppose subsequent search actions and answers to the questions that have arisen. Our task to restore the historical memory of Sergey Savikovich Baibulin has been partially completed. We could not find any supporting information about him in the list of victims of political repression in Kiev and the Kiev region, in the lists of camp prisoners where he served time and rehabilitated.

There are doubts about the correctness of the sound of his personal data, given that he is an ethnic Kazakh from the Semipalatinsk region, information about his closest family ties has not been revealed.

The archival and investigative case of S. Baibulin was postponed in the funds of the Security Service of Ukraine (SBU) of the city of Kherson - F. 1. Op. 1. d. 73671. The case was started on October 7, 1937 – the date of arrest, completed on February 5, 1938 – the date of conviction. When publishing individual sheets of the ASD, the authors retained the stylistics and spelling of the document. The legendization of the NKVD of the Ukrainian SSR is based on the book by N.V. Petrov and K.V. Skorkin «Who led the NKVD: 1934-1941: Handbook» (Petrov, Skorkin, 1999).

Thanks. This article was prepared as part of the implementation of the AP14869089 project «The Vertical and horizontal of the Great Terror: Political repression in Kazakhstan in 1937-1938».

№1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор[од]. Киев 7/Х 1937 г. я, Оперуполном. Нач[альник] III отделения 2 Отдела УГБ – мл[адший] лейтенант госбезопасности МИЛЬШТЕЙН, рассмотрев материалы по обвинению гр. БАЙБУЛИНА Серго Савиковича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11 УССР, выразившихся в том, что он является членом к[онтр]-р[еволюционной] националистической организации, нашел, что (привести мотивы избрания меры пресечения) пребывание БАЙБУЛИНА на свободе отразится на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда следствия по отношению к обвиняемому БАЙБУЛИНУ Серго Савиковичу с содержанием под стражей в киевской тюрьме.
2. Настоящее постановление представить Прокурору по спецделам.

Опер. Уполномоченный

Согласен:

Начальник III отделения
2 Отдела УГБ НКВД УССР – мл. лейтенант ГБ

Мильштейн¹

Утверждаю:

Начальник 2 Отдела УГБ НКВД УССР
Ст. лейтенант госбезопасности

(Джирин²)

Типографский бланк. Машинописный подлинник. Мильштейн, Джирин – автограф. Л. 2.

№2

Следователю НКВД
г. Мильштейну.

От арестованного Байбулова С.С.

Заявление

В конце 1935 г. и начало 1936 года я был завербован в контрреволюционную националистическую организацию бывшим студентом 1-го курса технологического факультета. В институте имени т. Микояна фамилию, которого не помню зовут его Петр. Этот Петр при вербовке он мне сказал: что это к[онтр]р[еволюционная] организация будет существовать под видом математического кружка и будет проводить контрреволюционную-националистическую работу при ин[ститу]те; В заключении он сказал мне: 1) Что ты нацмен единственный на Украине и тебе доверяют больше чем, кто-бы, а так-же имеешь больше шансы проникнуть в любые собрания и проч. для проведения к[онтр]-р[еволюционной] работы вообще.

После я хотел завербовать Прохорчука студента III курса технологического факультета.

Я ему сказал, что если он будет хорошо работать, вредить, то 300 рублей дам сказал. А он мне ничего не ответил и больше с ним я не говорил.

Автограф – Байбулин, синей ручкой.

6/Х 1937 г.

Рукописный подлинник. Байбулов – автограф. Л. 15.

¹ Мильштейн Михаил Эммануилович (1904-??). Место рождения - Днепропетровская обл., г. Павлоград. Член ВКП(б) с 1929. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1930.// Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД: 1934-1941: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999.

² Джирин, Давид Израилевич (1904-1938). Место рождения - Одесса. Член ВКП(б) с 1925. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921. Подвергался репрессиям. Арестован 25.04.1938. До ареста - нач. 2 отдела УГБ НКВД УССР. Военной коллегией Верховного суда СССР 29.08.1938 приговорен к ВМН. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 10.06.1958.

№3

Обвинительное заключение

По делу №817 по обвинению
Байбулина Сергея Савиковича

по ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР.

Обвиняемый БАЙБУЛИН Сергей Савикович арестован 6 октября 1937 года на основании поступивших данных о том, что он среди студентов института им. Микояна проводит антисоветскую агитацию группирует вокруг себя студентов, обрабатывая последних в антисоветском духе.

Допрошенный БАЙБУЛИН показал, что он является участником антисоветской украинской националистической организации, в которую был завербован одним из участников организации ПРОПРО в 1936 г.

От ПРОПРО он получил задание вербовать новых лиц в организацию.

В соответствии с этим заданием он пытался вовлечь в организацию студентов института ПРОХОРЧУКА и КОНЕВСКОГО.

Конкретных фактов своей антисоветской деятельности, как участника организации БАЙБУЛИН следствию не сообщил. Других данных, которые бы подтвердили это обстоятельство следствием не добыто.

Студенты ПРОПРО, ПРОХОРЧУК и КОНЕВСКИЙ не установлены и не могли быть допрошены. Свидетелем КОСТЮК БАЙБУЛИН уличается в антисоветской агитации.

На основании изложенного обвиняется:

БАЙБУЛИН Сергей Савикович, 1911 года рождения, уроженец аула №2 Абралинского района Восточно-Казахстанской области, по национальности казах, до ареста студент 3 курса Киевского химико-технологического института им. Микояна, в том что:

- а) Является участником антисоветской украинской националистической организации;
- б) Обрабатывал и пытался вербовать в организацию студентов ПРОХОРЧУКА и КОНЕВСКОГО;
- в) Вел антисоветскую агитацию.

т.е., в преступлениях предусмотренных ст.ст. 54-10, 54-11 УК УССР.

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело №817 по обвинению БАЙБУЛИНА Сергея Савиковича направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

СПРАВКА:

Арестованный БАЙБУЛИН Сергей Савикович содержится под стражей с 6 октября 1937 года в Киевской тюрьме и перечисляется за Особым совещанием при НКВД СССР.

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ
IV ОТДЕЛА УГБ ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

/ЗАХВАТКИН/

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ. IV ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

/ХАТЕНЕВЕР³/

Машинописный подлинник. Ведомственный штамп: «Утверждаю». Зам. Нар. Ком. Внутр. Дел УССР 14.I.1938 г. Автограф неразборчиво». Захваткин, Хатеневер – автограф. Л. 43-44.

³ Хатеневер (Хатаневер) Арон Меерович (1905-1940). Место рождения - Минск. До ареста - заместитель начальника УНКВД Ленинградской области, с 07.12.1937 г. начальник 4 отдела УГБ НКВД УССР. Член ВКП(б) с 1926. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1921. Подвергался репрессиям. Арестован 17.11.1938. Военной коллегией Верховного суда СССР 20.05.1940 приговорен к ВМН. В реабилитации отказано.

№4
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1938 года января 4 дня. Прокурор Отдела по Спецделам Прокуратуры УССР, рассмотрев материалы дела по обвинению БАЙБУЛИНА Сергея Савиковича,

Нашел:

Произведенным по делу расследованием и личным признанием обвиняемого Байбулина установлено, что он учился в Институте им. Микояна в г. Киеве – был привлечен в 1936 г. в антисоветскую организацию ПРОПРО.

Как показал Байбулин он обрабатывал в контрреволюционном духе студента Прохорчука и Колнвского, однако их допросить не удалось, т.к. местожительство их не установлено.

Не установлено также местожительство ПРОПРО.

Учитывая, что при этих обстоятельствах – дело в суд не может быть направлено и что материалами дела обвиняемый Байбулин характеризуется, как социально опасная личность, руководствуясь постановлением ЦИК и СНК СССР от 10/VII – [19]34 г.

ПОСТАНОВИЛ:

Дело по обвинению БАЙБУЛИНА Сергея Савиковича направить на рассмотрение Особого совещания.

ВРИД ЗАМ НАЧ ОТДЕЛА
ПО СПЕЦДЕЛАМ ПРОКУРАТУРЫ УССР

/ДИКОВСКИЙ/

Машинописный подлинник. Диковский – автограф. Л. 45.

№5
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР
от 5 февраля 1938 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

Дело №817/49231/ УССР о БАЙБУЛИНЕ Серго Савиковиче, 1910 г.р., б[ывший] канд[идат]. ВКП(б) БАЙБУЛИНА Серго Савиковича – за к[онтр]-р[еволюционную] деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч[итать] срок с 6/X-[19]37 г.

Дело сдать в архив.

Отв. Секретарь Особого Совещания [автограф]

Типографский бланк. Машинописный подлинник. Рукописная резолюция: «[неразборчиво] /охр Гулаг 26/ ПЗ8 г. №30/817/л. ББ лаг.». Отв. Секретарь Особого Совещания – автограф неразборчиво. Л. 49.

№6

Наркому Внутренних дел СССР

Л. Берия

От з/к Байбулина Сергея Савиковича,
отбывающего срок в исправительно-

трудовом лагере ст. Мед[вежья]гора Кировской Ж.Д.
П/О Ворж-Гора 12-ое В-Выгское Отд. ББка НКВД СССР

4-ий Л/п [неразборчиво] Ручей

ст. крд срок 5 лет

Жалоба

5 октября 1937 года в общежитии в Киевском химико-технологическом институте пищевой промышленности им. Микояна, я арестован органами НКВД УССР. После чего мне объявлено решение Особого Совецания при НКВД СССР от 5/II – [19]38 г., объявленного мне 8/III – [19]38 г. дела №28015 УССР в том, что я осужден к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой лагерь за контрреволюционную деятельность. Постановление вынесено на основании материалов следствия, в котором совершенно не освещено обстоятельства дела. Данные следствия находятся в полном противоречии с фактическими обстоятельствами дела и следствие проведено тенденциозно в сторону моего обвинения. Обвинение предъявленное мне сводится главным образом на признание якобы якобы в преступлении. До сих пор я совершенно не знаю собственно за что я осужден к столь строгому наказанию. Обращаюсь к Вам в надежде, что Вы заинтересуетесь моим делом справедливо ее разрешите. Со дня моего ареста по настоящее время, я нахожусь в морально уничтоженном состоянии и причиной тому является не то, что я виновен, а то что я сам правда не знаю в чем я виновен. Представ пред следствием с сознанием своей невиновности, очутившись в положении арестованного, при настоятельном требовании следователя НКВД УССР признать свою вину, я как в этом не позорно признаться, я стал искусственно признаться, я стал искусственно придумывать мнимую свою виновность. Находясь под следствием в тюрьме от других арестованных лиц я узнал о существовании украинских националистов на Украине и решил для того, чтобы прекратить свои моральные страдания и без конца слушать настойчивые требования следователей признать себя в какой-то виновности – я подписал, зачитанный следователем протокол, избличающих мою [неразборчиво] Казахстана и попал на Украину в ТУЗ по сахарной промышленности, как командированный на основе приказа Народного Комиссариата пищевой промышленности Союза ССР т. Микояна А.И. о подготовке национальных коренных кадров для сахарных заводов Казахстана и Киргизии. Таким образом, я виновен не в том, что принадлежал к украинской националистической организации, которая для меня и безразлично и была до сего времени и неизвестна, а в том что я оговорил сам себя, это мое настоящее искреннее признание. Но вообще мое главное обвинение основано на признании. Не было на следствии по моему делу ни одного материала, характеризующих мою контрреволюционную деятельность, а также и живые факты основания не было, когда я требовал от следствия дать мне возможность свидетеля и в соответствии с этим очную ставку, следователь этого не дал. В обвинениях следователя я слышал явную сущую ложь, клевета, бред ни в коей мере, но следователь не дал мне возможность знать клеветника, которая [который] на меня оклеветал. Я абсолютно не представляю, чем вызван мой арест в 1937 году, уже скоро год десять месяцев, как я нахожусь под стражей в лагере ББКа НКВД СССР. И по иронии судьбы вместе с теми людьми, которые сидят по 58-ой ст. несмотря на столь несправедливое и незаконное решение, я буду добиваться большевистскую истину и правду, во чтобы-то ни стало. Я убежден, что эту нашу большевистскую правду и истину, я найду во имя большевистской правды прошу заинтересоваться мим делом, поручить кому либо проверить мое дело. Я верный сын своей свободной цветущей родины и рядовой боец за коммунизм и никакого отношения к контрреволюционной деятельности не имел и иметь не буду, как тяжело носить кличку врага народа и быть среди врагов народа, будучи совершенно не виновным, но я не сломаюсь, ибо я верю в большевистскую правду. На путь преступления не свернет никто меня. В моем социальном положении и социальном происхождении нет ничего отрицательного. Я родился в Казахстане Семипалатинской области Абралинского района аул №2 в семье бедняка до 8-и лет находился на воспитании родителя, когда мне исполнился 9 лет, что умерла мать осталось 4 детей сироты, отец работал в кулацком хозяйстве наемным пастухом. Отец до 40 лет работал пастухом, в 1933 году умер в вышеуказанном районе (аул №2), вот и вся жизнь отца, что я знаю. Сам я работал у казахов баев, работал пастухом до 1927 года, а потом после 1927 года в начале 1928 года началась конфискация крупных кулаков и баев в ауле и деревне, я был освобожден от ига кулаков. Был командирован волисполкомом и аулсоветом в город Семипалатинск на производство, так как у меня не было никакой возможности оставаться в Абралинском районе после разгрома кулака, в этом районе нет ничего для того, чтобы наняться и работать, а поэтому я обратился к местным организациям и которые удовлетворили мою просьбу, направили с характеристикой на

производство, при [по] приезде в Семипалатинск я поступила на строительство Семипалатинской суконной фабрики, где я работала носильщиком кирпичей и т.д. к 1929 году меня с этого же строительства рабочком посылал на мельницу №213 под названием Плечеева, она находится на 3 км. Ниже от центра города завод Затонского района. В этой мельнице я работала до 1930 года, а затем осенью был командирован по разрядке Семипалатинского отдела Народного образования на учебу в Алма-Атинский рабфак при казахском педагогическом университете, где я окончил в 1933 году. После чего был командирован по спец набору в центральную школу ОГПУ (НКВД), в школе я учился лишь всего 3 месяца, а потом был направлен в Алма-Ата, где работал июль, август месяц в алма-Атинском свеклосахартресте на должности зав. Кадром, а потом в сентябре месяце я был командирован по разрядке Наркома пищевой промышленности Союза ССР на основе приказа т. Микояна о подготовке национальных кадров в Киевский химико-технологический институт пищевой промышленности им. А.И. Микояна, где учился до 1937 года. Осенью 1937 года 5/Х, как насколько помню меня арестовали орган НКВД Украины в городе Киеве.

В институте я учился хорошо с уклоном по сахарному производству, по окончании я должен был работать технологом на заводе Казахстана и Киргизии, вдруг меня лишили от всего этого удовольствия, и збили [сбили] с пути которого я добивался в течение долгих лет обучения не признавая никаких трудностей и теряя свое здоровье. Я учился без материальной поддержки и т.д.

Я не был никогда судим и ни одного привода не имел на воле, кроме хороших [хорошего] аттестатов[а] и характеристики. Врагам народа удалось не только дискредитировать меня, но и удалось создать против меня дело, якобы я в преступлении. За всю свою жизнь, я не сделал никакого преступления против государства СССР, против партии и родины, я был и есть предан советской власти, ВКП(б) и любимой мне родине.

Я все время испытывал нужду и голод, и знаю гнет кулака и баев личным чувством, я честно и преданно работаю, я уверен в справедливом разборе моего дела, а потому обращаюсь к Вам о вмешательстве в мое дело [по]смотреть следственный материал.

Полное желание и сил встать на трудовую дорогу и для народа своей родины и по своей болезненной психике и слабохарактерности, проявленной на следствии оговорил себя. Прошу наркома Внутренних дел Союза ССР вынести справедливое постановление, вернуть меня на путь свободного труда и наложенное на меня такое тяжелое не заслуженное наказание снять.

Рукописный подлинник. Входящий номер 142/7816-3. «Секретариат Особого Совецания при НКВД СССР» прописью 14/8-39. Автограф – Байбулин. Письмо датируется 5/V – [19]39 г. Сохранена стилистика и орфография документа. Пометы и подчеркивания. Л. 53-56.

№7

Сов. секретно

В НКВД УКРАИНСКОЙ ССР

гор. Киев

Копия: 1 Спецотдел НКВД СССР

Секретариат особого Совецания при НКВД СССР направляет архивно-следственное дело №274814 – 817/49231 на осужденного БАЙБУЛИНА Сергея Савиковича в связи с поступившим от последнего заявлением о пересмотре его дела. Байбулин обвинялся в участии в украинской националистической организации и в проведении антисоветской агитации.

Виновным себя на следствии признал, показания о практической антисоветской деятельности не дал.

Обвинение в участии в контрреволюционной организации обоснованно на самопризнании БАЙБУЛИНА.

В антисоветской агитации изобличался косвенными показаниями КОСТЮК, которому, якобы известно из разговоров зам. директора института.

В своем заявлении осужденный категорически отрицает свое участие в националистической организации и проведении антисоветской агитации, а поэтому, исходя из вышеизложенного, по делу необходимо провести следующие мероприятия:

1. Установить ПРОХОРЧУК и КОНЕВСКОГО и допросить их, что им известно о контрреволюционной деятельности БАЙБУЛИНА.

2. Передопросить свидетеля КОСТЮК на предмет уточнения, что ему лично известно о контрреволюционной деятельности БАЙБУЛИНА, при этом уточнив фамилию зам. директора института и допросить последнего.

3. Путем допроса свидетелей уточните, какие были взаимоотношения между осужденным БАЙБУЛИНЫМ и ПРОХОРЧУК Григорием Ивановичем.

Приобщить справку о социальном происхождении БАЙБУЛИНА.

По выполнении вышеизложенного, дело вместе с Вашим заключением возвратите в Секретариат Особого Сопещения при НКВД СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело.

ПОМ. НАЧ. СЕКР-ТА ОС. СОВЕЩ. НКВД СССР

Капитан Гос. Безопасности:

(КУЗНЕЦОВ)

СОТР. СЕКР-ТА ОС. СОВЕЩ. НКВД СССР

Сержант Гос. Безопасности:

(БУЛАНОВ)

Машинописный подлинник. Рукописная резолюция: «На особый контроль. Т. Здесенко. Направить во 2 отдел для исполнения 10/6. Автограф неразборчиво». Ведомственный штамп НКВД СССР. Секретариат Особого Сопещения 2 июня 1940 г. №29/4431/3. Автограф – Кузнецов, Буланов. Л. 51.

№8

Протокол допроса
Байбулина Сергея Савиковича
3 марта 1941 г.

Вопрос: Вами в 1939-1940-х годах подавались заявления на имя Народного комиссара Внутренних дел СССР в которых вы просили пересмотреть Ваше дело. Сообщите следствию чем было вызвано Ваше заявление?

Ответ: Будучи в лагере [неразборчиво] мне много заключенных писали заявления, а потому и я, взяв разрешение у начальника лагеря написал заявление Наркому.

Вопрос: на каких же основаниях Вы просили пересмотреть Ваше дело?

Ответ: Подал я заявление на имя Наркома Внут. Дел СССР и просил пересмотреть мое дело потому, что я считал и считаю, что осужден я был в 1937 году не правильно, ибо никаких преступлений против Советской власти я никогда не делал.

Вопрос: А разве участие в контрреволюционной организации, в которой Вы состояли до ареста не есть преступление против Советской власти?

Ответ: Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял.

Вопрос: Как не состояли, ведь о том, что вы действительно являлись участником контрреволюционной организации свидетельствуют Ваши же показания на следствии в 1937 году и ряд вполне достоверных материалов, который Вы в свое время подтвердили. Вы что отказываетесь от своих показаний?

Ответ: Да, от показаний данных мною на следствии в 1937 году я отказываюсь ибо они являются сплошной выдумкой и действительности ни в коей мере не отвечают.

Вопрос: Почему же Вы давали эти показания, они же, как Вы говорите, являются вымышленными и не отвечают действительности?

Ответ: Аживые показания я дал не по своей воле, а под физическим воздействием, применявшемся по отношению ко мне на предыдущем следствии.

Вопрос: А когда Вы вербовали в контрреволюционную организацию студентов химико-технологического института Прохорчука и Каневского Зиновия детально ориентируя их об этой организации, Вы также находились под фактическим воздействием и делали все это вынуждено?

Ответ: Прохорчука и Каневского я мало знал, ни в какие контрреволюционные организации я не вербовал и подобных разговоров с ними я никогда не вел. Показания же о том, что, якобы я был вовлечен в контрреволюционную организацию неким Пропро Григорием и что якобы я по заданию Пропро в организацию вербовал студентов Каневского и Прохорчука, я уже показал об этом выше, дал вынуждено.

Вопрос: Почему же вы все-таки назвали фамилии Прохорчука и Каневского, как лиц, которых вы вербовали в организацию, почему Вы не назвали других фамилий?

Ответ: Фамилии Прохорчука, Каневского и Пропро, я назвал потому, что других фамилий я не знал. Знал бы других людей и на них бы говорил неправду ибо от меня требовали того, чего на самом деле не было.

Вопрос: Вы говорите неправду. Фамилии, упомянутых выше людей названы вами на следствии в 1937 году неслучайно ибо они в той или иной степени увязываются с проводившейся Вами контрреволюционной работой.

Показания данные Вами на следствии в 1937 году и в частности факт вербовки Вами Прохорчука и Каневского в контрреволюционную организацию вполне соответствуют действительности и подтверждаются их ними же показаниями.

Вы пытаетесь опорочить следствие проведенное по Вашему делу и обманым путем снизить себе наказание за проведенную контрреволюционную работу.

Почему Вы стали на такой путь, следствие требует от Вас подробное объяснение по этому вопросу.

Ответ: Я говорю правду. Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял и в нее никого не вербовал.

Показания Прохорчука и Каневского я отрицаю, ибо с ними на подобные темы я никогда не говорил.

На своих показаниях я настаиваю и для более полной ясности прошу следствие дать мне очные ставки с Прохорчуком и с Каневским.

Вопрос: Ваша просьба будет исполнена завтра же. Неудавшаяся Ваша комбинация, путем обмана оправдать свою прошлую контрреволюционную работу будет полностью разоблачена.

Протокол допроса читал с моих слов записан верно в чем и расписываюсь.

Байбулин.

Допросил:

Оперуполномоченный 2-го отдела УТБ НКВД УССР

Сержант гос. Безопасности

/Корнеев/

Рукописный подлинник. Автограф – Байбулин, Корнеев. Сохранена стилистика и орфография документа. Л. 86-91.

№9

УТВЕРЖДАЮ

НАЧАЛЬНИК 3 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ УССР

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

/ДРОЗДЕЦКИЙ⁴/

12 марта 1941 г.

⁴ Дроздецкий Павел Гаврилович (16.12.1903-1979). Место рождения – Великолукская обл., Идрицкий р-н, д. Борки. Смерть: в 07.1979, Ленинград. Служил в ОГПУ, НКВД, МВД, КГБ. Закончил службу 21.12.1956, генерал-лейтенант. Член ВКП(б) с 05.1926. В РККА с 09.1925. С 10. 04.1945 г. заместитель наркома государственной безопасности УССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Киев, 11 марта 1941 года.

Я, Оперуполномоченный 3 Управления НКГБ УССР Сержант госбезопасности КОРНЕЕВ, рассмотрев архивно-следственное дело №274814 по обвинению БАЙБУЛИНА Серго Савиковича – НАШЕЛ:

6 октября 1937 года бывшим IV отделом УГБ НКВД УССР по подозрению в проведении антисоветской деятельности был арестован БАЙБУЛИН Серго Савикович, следствие в отношении которого было закончено и дело по обвинению его направлено на рассмотрение Особого Совецания.

5 февраля 1938 года за проведение контрреволюционной работы БАЙБУЛИН Особым Совецанием был осужден к 5 годам заключения ИТЛ.

По поступившей жалобе осужденного, архивно-следственное дело БАЙБУЛИНА №00513 было поднято из архива Секретариатом Особого Совецания при НКВД СССР и направлено во 2-й Отдел УГБ НКВД УССР на заключение.

Просмотром следственных материалов, находящихся в деле и произведенным дополнительным расследованием установлено:

БАЙБУЛИН Серго Савикович, 1911 года рождения, уроженец аула №2 Абралинского района Восточно-Казахстанской области, сын имама – муллы, по национальности казах, до ареста студент Киевского химико-технологического института пищевой промышленности им. Микояна.

В 1937 году среди некоторой част студентов института БАЙБУЛИН вел антисоветскую агитацию, клеветал на существующий Советский строй и призывал последних к активной борьбе против Советской власти.

На предварительном следствии в 1937 году БАЙБУЛИН свою антисоветскую деятельность признал, но впоследствии, отбывая срок наказания в лагерях подал заявление в котором от данных им показаний отказался.

Допрошенные при пересмотре дела свидетели ПРОХОЧУК Всеволод Владимирович и КАНЕВСКИЙ Зиновий Давидович антисоветскую деятельность БАЙБУЛИНА подтвердили и на очных ставках с ним в марте 1941 года, разоблачили, его попытку опровергнуть ранее данные им показания.

На основании изложенного:

ПОСТАНОВИЛ:

1. Постановление Особого Совецания при НКВД СССР от 5.И. – 38 года в отношении БАЙБУЛИНА С.С. о заключении его за контрреволюционную деятельность в ИТЛ сроком на пять лет – считать правильно.

2. Жалобу осужденного БАЙБУЛИНА С.С., как необоснованную оставить без последствий о чем объявить ему лично.

3. Настоящее заключение вместе с архивно-следственным делом №274814 по обвинению БАЙБУЛИНА Серго Савиковича через 1 Спецотдел НКВД УССР направить в Секретариат Особого Совецания при НКВД СССР.

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ
СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
СОГЛАСЕН:

(КОРНЕЕВ)

ЗАМ. НАЧ. 3 ОТДЕЛА 3 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ УССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ

(ШАРОВ)

Машинописный подлинник. Автограф – Дроздецкий, Корнеев, Шаров. Л. 101-102.

Ерлан Б. Сыдықов, Альбина С. Жанбосынова, Ерлан Е. Сайлаубай, Халил Б. Маслов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Мұрағаттық-іздістіру жұмыстары саяси қуғын-сүргін тарихын есте сақтаудың қайнар көзі ретінде

Аннотация.

Тарихи жады өткен оқиғаларды сақтау және тарату тәсілі ретінде адамзат мәдениетінің құрамдас бөлігі бола отырып, көптеген пәнаралық зерттеу тәсілдерін анықтайды. Авторлар қазақ қауымының қоғамдық санасында терең із қалдырған саяси қуғын-сүргін тарихына тоқталды.

Ұсынылып отырған тақырыптың тарихнамасында іргелі еңбектер, байыпты ғылыми жарияланымдар, тың жаңалықтар мен қызықты нәтижелер болғанымен, саяси қуғын-сүргін тарихының барлық дерек көздері ғылыми зерттеу нысанына айналған жоқ.

Ұсынылған авторлық зерттеу 1937 жылы Киев қаласында тұтқынға алынып, Арнайы Кеңес шешімімен сотталған және Украина КСР-і НКВД репрессиясына ұшыраған қазақстандық С.Байбулиннің мұрағаттық-тергеу ісінің үзінділерін ғылыми айналымға алғаш рет енгізеді. С.Байбулиннің ісі Украина Қауіпсіздік қызметінің (СБУ) мұрағатынан табылды.

Авторлар мұрағаттық және тергеу ісінің деректанулық талдауын ұсынды, саяси қуғын-сүргін құрбанының жеке жадының шеңберін/қаңқасын қалыптастыру мақсатында ақпарат алудың мүмкіндіктері мен әдістерін көрсетті.

Мақаланың ғылыми мазмұнының бірегейлігі ұсынылған эго-құжаттар назарында саяси қуғын-сүргін тарихын есте сақтаудың қайнар көзі ретінде мұрағаттық және тергеу ісінің құрылымымен танысу мүмкіндігінде. Жадының мұндай көрінісін жеке деректері бір ғана дереккөзде – мұрағаттық және тергеу ісінде сақталған жәбірленушіні көпшілік алдында еске алу тәжірибесі ретінде қарастыруға болады.

Авторлардың міндеті саяси террор құрбанына қатысты тарихи әділеттілікті қалпына келтіру болды, 1991 жылғы 17 сәуірдегі «Украинадағы саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау туралы» Украина КСР Заңына сәйкес реабилитацияның болуына қарамастан, С.Байбулин қуғын-сүргінге ұшыраған адам ретінде ол қызмет еткен Беломор- Балтық еңбек лагерінің тізімдерінде жоқ, және оның деректері Украинада да, Қазақстанда да ақталғандардың тізімінде жоқ.

Түйін сөздер: Украина; Қазақстан; репрессия; тарихи жады; еске алу; репрезентация; мұрағаттық зерттеу.

Ерлан Б. Сыдықов, Альбина С. Жанбосынова, Ерлан Е. Сайлаубай, Халил Б. Маслов

Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

Архивно-следственное дело, как источник репрезентации памяти по истории политических репрессий

Аннотация. Историческая память как способ хранения и трансляции событий прошлого, являясь составной частью человеческой культуры, детерминирует множество междисциплинарных исследовательских подходов. Авторы сфокусировали внимание на истории политических репрессий, оставивших глубочайший след в общественном сознании казахстанского сообщества. Несмотря на то, что историография предложенной темы имеет фундаментальные работы, серьезные научные публикации, новые открытия и интересные результаты, не все источники истории политических репрессий стали объектом научных разработок. Представленное авторское исследование впервые вводит в научный оборот фрагменты архивно-следственного дела уроженца Казахстана С. Байбулина, арестованного в городе Киеве в 1937 году, осужденного Особым совещанием и репрессированного НКВД Украинской ССР. Дело С. Байбулина отложилось в архивных фондах Службы Безопасности Украины (СБУ). Авторы представили источниковедческий анализ архивно-следственного дела, продемонстрировали возможности и способы извлечения информации с целью формирования каркаса/фрейма персональной памяти жертвы политических репрессий.

Уникальность научного содержания статьи заключается в возможности ознакомиться со структурой архивно-следственного дела, как источника репрезентации памяти по истории политических репрессий в фокусе представленных эго-документов. Подобная репрезентация памяти может рассматриваться, как практика публичной коммеморации жертвы, персональные данные которой остались только в отдельно взятом источнике – архивно-следственном деле. Задача авторов заключалась в восстановлении исторической справедливости по отношению жертве политического террора, несмотря на наличие реабилитации согласно Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г., С. Байбулин, как репрессированное лицо не проходит в лагерных списках Беломоро-Балтийского ИТЛ, где он отбывал срок, а также его данные отсутствуют в списках реабилитированных, как в Украине, так и в Казахстане.

Ключевые слова: Украина; Казахстан; репрессии; историческая память; коммеморация; репрезентация; архивно-следственное дело.

References

Bykova S. «Nakazannaia pamiat'»: svidetel'stva o proshlom v sledstvennykh materialakh NKVD [«Punished memory»: evidence of the past in the investigative materials of the NKVD], Neprikosnovennyi zapas, 2. Available at: <http://www.intelros.ru/3854-nakazannaja-pamjat-svidetelstva-o.html> 2009. (accessed 15.05.2022). [in Russian].

Kabatskov A.N. «Raschishchaia ploshchadku...»: dekonstruktsiia pervichnykh sotsial'nykh grupp v gody Bol'shogo terror [«Clearing the ground...»: deconstruction of primary social groups in the years of the Great Terror]. Vestnik Permskogo universiteta Ser. Istoriia, 2013. 3 (23), 27-31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/raschishchaya-ploshchadku-dekonstruktsiya-pervichnyh-sotsialnyh-grupp-v-gody-bolshogo-terrora> (accessed: 19.05.2022). [in Russian].

Kabatskov A., Fedotova I. Prikaz NKVD № 00447. Massovye repressii v g. Krasnokamske v 1937-1938 gg. (NKVD Order No. 00447. Mass repressions in Krasnokamsk in 1937-1938) Gasyrlar avazy – Ekho vekov, 2011. 3-4, 99-113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikaz-nkvd-00447-massovye-repressii-v-g-krasnokamske-v-1937-1938-gg-2> (accessed: 19.05.2022). [in Russian].

Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniia [Methods of historical research]. (M., 2003, 486p.) [in Russian].

LaRocco A.A. Memory as Claim-making in Kalahari Socio-environments. RCC Perspectives, 2018. 3, 27-32. <http://www.jstor.org/stable/26511170> [in English].

Mikhailov A. Bitva za sakhar: a ved' byli vremena, kogda Kazakhstan mog prokormit' sebja sam [The battle for sugar: but there were times when Kazakhstan could feed itself]. Available at: https://ratel.kz/outlook/bitva_za_sahar_a_ved_byli_vremena_kogda_kazahstan_mog_prokormit_sebja_sam 09.07.2022. (accessed 10.07.2022). [in Russian].

Morozov I., Sleptsova I. Diskursy pamiaty v muzeinom formate sovremennye narrativy semeinoi istorii (Discourses of memory in museum format modern narratives of family history). Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. M.: Akvilon, 2021. 432 c. Available at: <https://roii.ru/publications/dialogue/issue/75> (accessed 10.05.2022). [in Russian].

Pavlov M.Iu. Vklad A.I. Mikoiana v stanovlenie i razvitie sovetskoj pishchevoj promyshlennosti (A.I. Mikoyan's contribution to the formation and development of the Soviet food industry). Kontsept, (S26).2015. P. 36-40. [in Russian].

Petrov N.V., Skorkin K.V. Kto rukovodil NKVD: 1934-1941: Spravochnik (Who led the NKVD: 1934-1941: Handbook). Obshchestvo «Memorial», RGASPI, GARF; Pod red. N. G. Okhotina i A. B. Roginskogo. (Moscow, Zven'ia, 1999). [in Russian].

Tepliakov A.G. Deiatel'nost' organov VChK-GPU-OGPU-NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty (The activity of the organs of the Cheka-GPU-OGPU-NKVD (1917-1941): historiographical and source aspects.). (Novosibirsk, NGUEU, 2018,434p.) [in Russian].

Ullberg S. B. Learning from Loss? The Politics of Memory and Morality in the Post-disaster. RCC Perspectives. 2018. No 3.P.79-84. <http://www.jstor.org/stable/26511176>. [in English].

Chatfield T. «Kriticheskoe myshlenie: analizirui, somnevaisia, formirui svoe mnenie («Critical thinking: analyze, doubt, form your opinion.». per. s angl. (Moskva, Al'pina Publisher, 2019 328p.) [in Russian].

«Cherez trupy vruga na blago naroda» [«Through the corpses of the enemy for the benefit of the people.】«Kulatskaia operatsiia» v Ukrainskoi SSR 1937-1941 gg.: v 2 t. T. 1 1937 g. (M., ROSSPEN, 2010. 743 p.) [in Russian].

Lunge M., Binner R. Kak Terror stal «Bol'shim». Sekretnyi prikaz №00447 i tekhnologiia ego ispolneniia [How Terror became «Big». Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. So spetsial' nym razdelom A. Stepanova «Provedenie "kulatskoi" operatsii v Tatarii». S bibliografiei pri uchastii T. Martina. Seriia «Pervaia publikatsiia v Rossii» pod red. G. Bordiugova. (M., AIRO-KhKhI, 2003. 352p.) [in Russian].

Сведения о авторах:

Сыдыков Ерлан Батташевич – д.и.н., академик Евразийского Национального университета им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

Жанбосинова Альбина Советовна – д.и.н., профессор, ГНС НИЦ Ел тарихы Евразийского Национального университета им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

Сайлаубай Ерлан Ерназарович – к.и.н., доцент, директор НИЦ Ел Тарихы Евразийского Национального университета им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

Маслов Халил Борисович – PhD, ВНС НИИ «Алаш» Евразийского Национального университета им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

Сыдыков Ерлан Батташевич – Doctor of Historical Sciences, L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Zhanbosinova Albina Sovetovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, STS SIC El Tarikhy of L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Sailaubai Yerlan Yernazarovich – Ph.D., Associate Professor, Director of the El Tarikhy Research Center of the L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Maslov Khalil Borisovich – PhD, LR Research Institute «Alash» of L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan